

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-28-35>

ЕДИНЫЙ ЦИФРОВОЙ КОНТУР КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ ЕАЭС: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, АРХИТЕКТУРА МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И РЕЖИМ ТРАНСГРАНИЧНОГО ОБМЕНА ДАННЫМИ

Позднышов А.Н.*, Назаренко Н.А.

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»
(Большая Садовая ул., д. 69, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344002)

Ссылка для цитирования: Позднышов А.Н., Назаренко Н.А. Единый цифровой контур контрольно-надзорных информационных систем ЕАЭС: правовая природа, архитектура межведомственного взаимодействия и режим трансграничного обмена данными. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(3):28–35. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-28-35>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Позднышов Алексей Николаевич*, доктор юридических наук, профессор, декан Юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Адрес: Большая Садовая ул., д. 69, г. Ростов-на-Дону, Россия, 344002

Тел.: + 7 (863) 264-39-54

E-mail: dekanyuf@rsue.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 28.07.2026

Статья принята к печати: 26.08.2026

Дата публикации: 23.09.2026

Аннотация: Ускорение цифровой трансформации публичного управления ставит перед интеграционными объединениями вопросы правового регулирования трансграничного оборота надзорных данных. Евразийский экономический союз (ЕАЭС), провозгласив формирование единого цифрового пространства стратегическим приоритетом, к настоящему времени не обеспечил его последовательной правовой основой применительно к контрольно-надзорной сфере, где пересекаются публичные интересы государств-членов, права подконтрольных субъектов и технологические возможности цифровой инфраструктуры.

Целью исследования является выявление правовой природы единого цифрового контура (ЕЦК) контрольно-надзорных информационных систем ЕАЭС и обоснование двухуровневой модели его регулирования.

В исследовании решаются следующие *задачи*: выявление нормативного пробела в праве ЕАЭС и структурных препятствий для его устранения; критическая оценка конкурирующих доктринальных подходов к природе наднациональных информационных систем; сравнительно-правовой анализ моделей интеграции информационных систем ЕС (ЕВА, ESMA, ЕЮРА, RASFF/EFSA) с целью обоснования применимости гибридной модели к условиям ЕАЭС; разработка троичной классификации надзорных данных по правовому режиму; обоснование запрета автоматизированного итогового надзорного решения без верификации должностным лицом.

В *результате* исследования предложено доктринальное определение ЕЦК и сформулированы его конститутивные признаки – системность, наднациональность архитектурного замысла, нормативная обусловленность и функциональная целевая направленность. Констатирован ключевой нормативный пробел и выявлены структурные политико-правовые препятствия для его устранения. Предложена троичная классификация надзорных данных (открытые – служебные с ограниченным доступом – защищенные), подкрепленная функциональным прецедентом в праве ЕС. Обоснована

недопустимость автоматизированного принятия итогового надзорного решения без верификации должностным лицом, принципиально отличающаяся от модели GDPR.

Выводы: обоснована двухуровневая модель регулирования единого цифрового контура контрольно-надзорных информационных систем ЕАЭС: рамочное Соглашение ЕЭК о едином цифровом контуре контрольно-надзорной деятельности в сочетании с системой отраслевых межведомственных соглашений. Определены содержательные элементы рамочного Соглашения, включая принципы трансграничного обмена данными, запрет их вторичного использования без специального основания и минимальный стандарт процессуальных гарантий подконтрольных субъектов в условиях алгоритмизированного надзора.

Ключевые слова: ЕАЭС, единый цифровой контур, контрольно-надзорная деятельность, трансграничный обмен данными, надзорные данные, режим данных, риск-ориентированный подход, алгоритмизация надзора, наднациональное регулирование, Евразийская экономическая комиссия, процессуальные гарантии подконтрольных субъектов.

UNIFIED DIGITAL CONTOUR OF THE EAEU CONTROL AND SUPERVISORY INFORMATION SYSTEMS: LEGAL NATURE, ARCHITECTURE OF INTERAGENCY INTERACTION AND THE REGIME OF CROSS-BORDER DATA EXCHANGE

Aleksey N. Pozdnyshov*, Natalia A. Nazarenko
FGBOU VO "Rostov State University of Economics (RSUE)"
(Bolshaya Sadovaya st., 69, Rostov-on-Don, Russia, 344002)

Link for citation: Pozdnyshov A.N., Nazarenko N.A. Unified digital contour of the EAEU control and supervisory information systems: legal nature, architecture of interagency interaction and the regime of cross-border data exchange. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(3):28–35. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-3-28-35>

CONTACT INFORMATION:

Aleksey N. Pozdnyshov*, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Rostov State University of Economics (RSUE)

Address: Bolshaya Sadovaya st., 69, Rostov-on-Don, Russia, 344002

Tel.: + 7 (863) 264-39-54

E-mail: dekanuf@rsue.ru

Conflict of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 28.07.2026

The article has been accepted for publication: 26.08.2026

Date of publication: 23.09.2026

Annotation: The acceleration of digital transformation of public administration confronts integration associations with questions of legal regulation of cross-border circulation of supervisory data. The Eurasian Economic Union (EAEU), having declared the formation of a unified digital space a strategic priority, has so far failed to provide a consistent legal basis for it in the field of control and supervision, where the public interests of member states, the rights of supervised entities, and the technological capabilities of digital infrastructure intersect.

The purpose of the study is to identify the legal nature of the unified digital contour (UDC) of the EAEU control and supervisory information systems and to substantiate a two-level model of its regulation.

The study is based on the founding treaties and acts of the EAEU, decisions of the Supreme Eurasian Economic Council and the Eurasian Economic Commission, national legislation of member states on information and personal data protection, European Union regulations establishing the European supervisory authorities (EBA, ESMA, EIOPA) and the RASFF/EFSA system, as well as scholarly literature on administrative, information, and integration law. The formal-legal method, the method of systematic analysis of regulatory acts, and the comparative-legal method were applied.

Results: a doctrinal definition of the UDC is proposed, and its constitutive features are formulated – systemic character, supranationality of architectural design, normative conditionality, and functional purpose-orientation. A key normative gap is identified and the structural political and legal obstacles to its elimination are revealed. A threefold classification of supervisory data by legal regime (open – restricted-access service data – protected) is proposed, supported by a functional precedent in EU law. The thesis on the inadmissibility of automated adoption of a final supervisory decision without verification by an official is formulated and substantiated, distinguishing it from the GDPR model.

Findings and conclusions: a two-level model for regulating the unified digital contour of the EAEU control and supervisory information systems is substantiated: a framework Agreement of the Commission on the unified digital contour of control and supervisory activity, combined with a system of sectoral interagency agreements. The substantive elements of the framework Agreement are defined, including the principles of cross-border data exchange, a prohibition on its secondary use without special grounds, and a minimum standard of procedural guarantees for supervised entities under conditions of algorithmized supervision.

Keywords: EAEU, unified digital contour, control and supervisory activity, cross-border data exchange, supervisory data, data regime, risk-based approach, algorithmization of supervision, supranational regulation, Eurasian Economic Commission, procedural guarantees of supervised entities.

Введение

Ускорение цифровой трансформации публичного управления ставит перед интеграционными объединениями вопросы, которые еще недавно выглядели как сугубо технологические. Практика, однако, убедительно показывает иное: именно правовые инструменты определяют, какие данные могут пересекать государственные границы, в каких целях и с какими гарантиями для тех, чья деятельность является объектом надзора. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) представляет в этом отношении показательный, хотя и весьма противоречивый пример. Провозгласив формирование единого цифрового пространства стратегическим приоритетом, Союз к настоящему времени не обеспечил его сколько-нибудь последовательной правовой основой применительно к контрольно-надзорной сфере – области, где пересекаются публичные интересы государств-членов, права подконтрольных субъектов и технологические возможности цифровой инфраструктуры.

Отечественная административно-правовая наука накопила значительный материал по смежным проблемам. В коллективной монографии под редакцией А.Ф. Ноздрачева «Правовое регулирование государственного контроля» последовательно обоснована мысль о том, что надзорные институты воплощают определенную концепцию соотношения публичного интереса и прав подконтрольных субъектов, а не сводятся к совокупности процедур [7, с. 57–71]. С.М. Зубарев в монографии «Система контроля в сфере государственного управления» показывает, что эффективность надзора определяется прежде всего качеством взаимодействия между элементами контрольной системы, а не только полнотой нормативной базы [2, с. 54–62]. В.Н. Южаков и Е.И. Добролюбова с соавторами показывают, что цифровизация контрольно-надзорной деятельности не может сводиться к техническому переносу традиционных процедур в электронную форму: перед нами принципиально иной объект правового регулирования [9, с. 112–135]. С.М. Зырянов указывает на дефицит единых стандартов при осуществлении контрольных функций в условиях реформы регуляторной политики [3, с. 84–98]. Э.В. Талапина акцентирует внимание на неразработанности правового режима данных, циркулирующих в системах публичного управления [8, с. 88–92].

Цель исследования – выявить правовую природу единого цифрового контура контрольно-надзорных информационных систем ЕАЭС и обосновать двухуровневую модель его регулирования. Для ее достижения последовательно рассматриваются: понятие и признаки ЕЦК; действующая нормативная база и ее дефициты; политико-правовые препятствия для устранения нормативного пробела; доктринальные подходы к природе наднациональных информационных систем; модели интеграции в сравнительно-правовом измерении; правовой режим трансграничного обмена надзорными данными и юрисдикционные коллизии; правовые пределы алгоритмизации надзорных решений и процессуальные гарантии подконтрольных субъектов.

Методы исследования

Основу исследования составили учредительные договоры и акты ЕАЭС, решения Высшего Евразийского экономического совета и Евразийской экономической комиссии, национальное законодательство государств-членов о защите информации и персональных данных, регламенты Европейского союза об учреждении европейских надзорных органов (ЕБА, ESMA, EIOPA) и о

системе RASFF/EFSA, а также научная литература по административному, информационному и интеграционному праву. Используются формально-юридический метод, метод системного анализа нормативных актов и сравнительно-правовой метод.

Результаты исследования

Прежде чем обращаться к нормативному материалу, необходимо определиться с ключевым понятием, поскольку его отсутствие в действующем праве ЕАЭС само по себе является частью диагностируемой проблемы. Предлагается следующее рабочее определение: единый цифровой контур контрольно-надзорных информационных систем ЕАЭС – это совокупность взаимосвязанных национальных и наднациональных цифровых платформ, информационных систем и реестров, функционирующих на основе единых стандартов, протоколов взаимодействия и правовых режимов в целях обеспечения согласованного осуществления контрольно-надзорных полномочий на территории государств-членов Союза.

Данное определение позволяет выделить конститутивные признаки ЕЦК. Первый – системность: ЕЦК не является совокупностью разрозненных информационных систем, а предполагает их функциональную интеграцию. Второй – наднациональность архитектурного замысла при сохранении национальной юрисдикционной принадлежности компонентов. Третий – нормативная обусловленность: технические стандарты интеграции должны опираться на правовые основания, определяющие объем передаваемых данных, цели их использования и последствия нарушений. Четвертый – функциональная целевая направленность: речь идет именно о надзорных данных, сформированных и используемых в рамках контрольных мероприятий.

Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.¹ предусматривает создание интегрированной информационной системы (ИИС) ЕАЭС применительно преимущественно к таможенной и торговой сфере. Контрольно-надзорное измерение остается в тексте Договора практически незатронутым. Как отмечают С.Ю. Кашкин и А.О. Четвериков, информационные отношения в рамках ЕАЭС охватываются наднациональным регулированием лишь в той мере, в какой они непосредственно обслуживают четыре свободы единого рынка² – именно эта логика предопределила нормативный пробел в надзорной сфере.

Стратегические направления формирования цифрового пространства ЕАЭС до 2025 г.³ декларировали намерение создать «Единую архитектуру ЕАЭС», однако носили программный, а не нормативный характер. Наиболее значимым специальным актом является Соглашение об осуществлении государственного контроля (надзора) за соблюдением требований технических регламентов ЕАЭС от 16 февраля 2021 г.⁴. Оно предусматривает обмен информацией между уполномоченными органами, однако регулирует лишь организационные принципы такого обмена, оставляя в стороне вопросы правового режима передаваемых данных. Совокупность изложенного позволяет констатировать ключевой нормативный пробел: в системе права ЕАЭС отсутствует наднациональный акт, системно регулирующий архитектуру единого цифрового контура и правовой режим надзорных данных.

Научная дискуссия

Понять, почему означенный пробел сохраняется, невозможно без анализа структурных препятствий. Как убедительно показывается в монографии А.Ф. Ноздрачева, С.М. Зырянова и А.В. Калмыковой, цифровизация контрольно-надзорной деятельности порождает необходимость поиска баланса между интересами подконтрольных лиц, государства и общества [6, с. 214–228] – и именно этот баланс оказывается крайне сложно достижимым на наднациональном уровне.

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) [сайт]. Официальный интернет-портал правовой информации; 2015 [обновлено 16 января 2015; процитировано 1 июня 2026]. Доступно: <http://pravo.gov.ru>.

² Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Право Евразийского экономического союза: учебник. М.: Проспект, 2016. С. 138–142.

³ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» [сайт]. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии; 2017 [обновлено 11 октября 2017; процитировано 5 июня 2026]. Доступно: <https://eurasiancommission.org>.

⁴ Соглашение об осуществлении государственного контроля (надзора) за соблюдением требований технических регламентов Евразийского экономического союза от 16 февраля 2021 г. [сайт]. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии; 2021 [обновлено 16 февраля 2021; процитировано 5 июня 2026]. Доступно: <https://eurasiancommission.org>.

Первым и наиболее существенным препятствием является коллизия между принципом суверенного равенства государств-членов и логикой углубленной интеграции. Российское законодательство о локализации персональных данных¹ устанавливает жесткие требования, тогда как казахстанская модель допускает трансграничную передачу при согласии субъекта данных. Следствием является ситуация, при которой информация, свободно циркулирующая внутри одного государства-члена, квалифицируется как конфиденциальная в правовой системе другого – что является реальным дестимулятором межведомственного обмена данными. Вторым препятствием является институциональная асимметрия: ЕЭК не обладает достаточными полномочиями для принудительного согласования позиций государств-членов в сфере цифрового регулирования. Третьим – сложность достижения консенсуса по технически емким вопросам: стандарты интероперабельности, форматы обмена данными, протоколы аутентификации требуют одновременного согласования на техническом, правовом и политическом уровнях.

Доктринальная дискуссия о природе наднациональных информационных систем разворачивается в русле двух конкурирующих концепций. Суверенно-охранительное направление, опирающееся на классическую доктрину государственного суверенитета в трудах В.М. Шумилова², полагает, что трансграничная передача данных, сформированных в рамках властных полномочий государства, затрагивает его суверенные прерогативы и требует специального конституционно-правового основания. Сторонники функционального подхода (А.Я. Капустин [4, с. 62–64] и С.Ю. Кашкин с А.О. Четвериковым³) считают суверенитетные ограничения в данной сфере не более существенными, чем уже принятые обязательства в торговой и таможенной сферах.

Оба подхода страдают характерными методологическими изъянами. Суверенно-охранительное направление чрезмерно статично: оно исходит из неизменности объема государственных полномочий в условиях их цифровой трансформации. Функциональный подход склонен к недооценке специфики надзорных данных: в отличие от таможенных, они нередко содержат сведения о конкретных лицах и обладают одновременно признаками служебной информации, персональных данных и доказательственного материала. Авторская позиция состоит в том, что надзорные данные нуждаются в самостоятельном правовом режиме, который не может быть выведен ни из общего режима информационного взаимодействия в ЕАЭС, ни из национальных режимов охраны государственной тайны.

В теории информационного права выделяются три типовые модели интеграции информационных систем: централизованная федеративная, децентрализованная интероперабельная и гибридная. В сфере финансового надзора Регламент (ЕС) № 1093/2010 об учреждении Европейского банковского управления (ЕБА)⁴ реализовал именно гибридную модель: наднациональная координация методологии и стандартов обмена данными сочетается с операционной самостоятельностью национальных регуляторов. В нефинансовой надзорной сфере гибридную модель воплощает Система быстрого оповещения о небезопасных пищевых продуктах и кормах (RASFF), учрежденная статьей 50 Регламента (ЕС) № 178/2002⁵. Статья 52 этого Регламента прямо устанавливает режим конфиденциальности RASFF, различая публичные уведомления, уведомления ограниченного доступа для участников сети и информацию, охватываемую профессиональной тайной, что является прямым прецедентом для предлагаемой в настоящей статье троичной классификации надзорных данных.

Ключевое отличие ситуации ЕАЭС от европейского опыта состоит в том, что ЕЭК не наделена собственными компетенциями и инструментами принуждения в надзорной сфере. Это означает, что гибридная модель применительно к ЕАЭС должна строиться принципиально иначе:

¹ О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

² Шумилов В.М. Международное экономическое право: учебник для магистров. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. С. 92–108.

³ Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Указ. соч. С. 183.

⁴ Regulation (EU) No 1093/2010 of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010 establishing a European Supervisory Authority (European Banking Authority) // OJ L 331. 15.12.2010. P. 12–47.

⁵ Regulation (EC) No 178/2002 of the European Parliament and of the Council of 28 January 2002 laying down the general principles and requirements of food law, establishing the European Food Safety Authority and laying down procedures in matters of food safety // OJ L 31. 01.02.2002. P. 1–24. Art. 50–52; Commission Implementing Regulation (EU) No 2019/1715 of 30 September 2019 laying down rules for the functioning of the information management system for official controls // OJ L 261. 14.10.2019. P. 37–100.

централизованные элементы (единые реестры рисков, аналитические модули, стандарты форматов данных) должны создаваться и поддерживаться на договорной, а не на административно-предписывающей основе.

В действующей системе права ЕАЭС отсутствует единообразная классификация данных, циркулирующих в ходе надзорного взаимодействия. Предлагается выделить три правовых режима. Первый – открытых данных – охватывает обезличенную аналитику, агрегированную статистику и результаты публичных проверок, подлежащие свободному обмену. Второй – служебных данных с ограниченным доступом – распространяется на сведения о конкретных проверочных мероприятиях, передаваемые исключительно по запросу уполномоченного органа в строго определенных целях с запретом вторичного использования. Третий – защищенных данных – охватывает государственную и служебную тайну, персональные данные подконтрольных лиц, а также сведения, которые могут быть использованы в уголовном преследовании: их трансграничная передача допускается лишь на основании специального соглашения или по судебному поручению.

Трансграничный обмен надзорными данными сопряжен с юрисдикционными коллизиями при трансграничных правонарушениях. Традиционные международно-правовые привязки плохо приспособлены к специфике надзорных правоотношений в цифровой среде: место нарушения, место наступления вредных последствий и место нахождения доказательственных данных могут находиться в разных юрисдикциях одновременно. В качестве возможного подхода к разрешению таких коллизий обращает на себя внимание принцип тесной связи правоотношения, известный коллизионному праву МЧП. Адаптация этого принципа к надзорным правоотношениям ЕАЭС представляет собой перспективное направление для самостоятельного исследования; в рамках настоящей статьи данная идея формулируется как исследовательская гипотеза, требующая отдельной разработки.

Без четкого нормативного запрета вторичного использования данных создание ЕЦК рискует превратиться в инструмент непредсказуемого расширения государственного вмешательства в деятельность хозяйствующих субъектов. Именно поэтому запрет вторичного использования должен быть включен в качестве обязательного элемента рамочного Соглашения применительно ко второму режиму.

Самостоятельного анализа требует проблема алгоритмизации надзорных решений. А.В. Кнутов с соавторами убедительно показывают, что присвоение хозяйствующему субъекту категории риска представляет собой юридически значимое действие, от которого зависит интенсивность контрольных мероприятий [5, с. 42–56]. Е.И. Добролюбова и В.Н. Южаков фиксируют, что использование алгоритмических инструментов для формирования планов проверок порождает нерешенный вопрос о правовой природе алгоритмически сформированного планового решения [1, с. 76–89]. Статья 23 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ¹ закрепляет принцип риск-ориентирования применительно к российскому праву; в наднациональном контексте ЕАЭС соответствующей правовой базы не существует.

Автоматизированное принятие итогового надзорного решения без верификации должностным лицом должно быть прямо запрещено как на национальном, так и на наднациональном уровне. Этот тезис принципиально отличается от логики статьи 22 Общего регламента о защите данных (GDPR)², допускающей автоматизированные решения при наличии у субъекта права потребовать их пересмотра человеком. Применительно к надзорным правоотношениям модель GDPR недостаточна по трем основаниям. Первое – конституционно-правовое: надзорное решение как властное волеизъявление государства несовместимо с безличной автоматизацией. Второе – технологическое с правовыми последствиями: алгоритмы работают на основе исторических данных, отражающих возможные системные погрешности. Третье – процессуальное: юридическая ответственность за надзорное решение может быть возложена только на конкретное должностное лицо. Запрет автоматизированного итогового решения не означает запрета алгоритмических инструментов при его подготовке – это разграничение принципиально.

¹ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 248-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

² Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data (General Data Protection Regulation) // OJ L 119. 04.05.2016. P. 1–88. Art. 22.

Процессуальные гарантии подконтрольных субъектов в условиях алгоритмизированного надзора должны превышать действующий национальный стандарт за счет: права на информацию о самом факте использования алгоритмических инструментов при формировании плана проверок; права запросить обоснование присвоенной категории риска до начала контрольного мероприятия; гарантии того, что использование алгоритмических инструментов при подготовке надзорного решения не является основанием для ограничения права на его обжалование.

На первом, наднациональном, уровне необходимо принятие рамочного Соглашения о едином цифровом контуре контрольно-надзорной деятельности ЕАЭС. Данное Соглашение должно определять: понятие, признаки и принципы построения ЕЦК; общую архитектуру (гибридная модель на договорной основе); троичную классификацию надзорных данных; принципы трансграничного обмена данными, включая запрет вторичного использования; запрет автоматизированного принятия итогового надзорного решения без верификации; минимальный стандарт процессуальных гарантий подконтрольных субъектов; порядок мониторинга исполнения. На втором уровне необходима система межведомственных соглашений между конкретными надзорными органами, конкретизирующих рамочные положения применительно к отдельным секторам.

Единый цифровой контур контрольно-надзорных информационных систем ЕАЭС является самостоятельным объектом правового регулирования. Его самостоятельность обосновывается через три критерия теории права: специфический субъектный состав (наднациональные органы и национальные надзорные ведомства, связанные наднациональными обязательствами по совместимости), особый охраняемый интерес (одновременное обеспечение эффективности публичного надзора и прав подконтрольных субъектов в наднациональном измерении), а также особый метод воздействия – сочетание дозволительных норм об информационном обмене и обязывающих стандартов технической совместимости.

Нормативный пробел носит структурно обусловленный характер. Его преодоление требует не технического принятия единого акта, а поэтапного выстраивания двухуровневой регулятивной архитектуры. Унификация понятийного аппарата в сфере оборота надзорных данных, которую ЕЭК вправе инициировать в форме рекомендации с согласованным глоссарием, является первым и наиболее реалистичным практическим шагом.

Предложенная троичная классификация надзорных данных является авторской разработкой, подкрепленной функциональным прецедентом в праве ЕС – системой RASFF, различающей публичные уведомления, уведомления ограниченного доступа для участников сети и информацию, охватываемую профессиональной тайной. В сфере алгоритмизации разграничение между алгоритмизацией подготовки решения (допустима и целесообразна) и автоматизацией самого итогового решения (недопустима) превосходит по строгости модель GDPR применительно к публично-надзорным правоотношениям и вытекает из принципа персональной ответственности должностного лица в публичном праве.

Список использованной литературы:

1. Баранова А.Ф., Шмагун Е.С. Цифровой суверенитет ЕАЭС в контексте обеспечения экономической безопасности. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2022;(7):29–34.
2. Добролюбова Е.И., Южаков В.Н. Мониторинг и оценка результативности и эффективности цифровизации государственного управления: методические подходы: монография. М.: Дело: РАНХиГС; 2020.
3. Зубарев С.М. Система контроля в сфере государственного управления: монография. М.: Норма: ИНФРА-М; 2019.
4. Зырянов С.М. Государственный контроль (надзор): монография. М.: ИЗиСП при Правительстве РФ: Контракт; 2023.
5. Капустин А.Я. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс. *Журнал российского права*. 2015;(11):59–69.

References:

1. Baranova A.F., Shmagun E.S. [Digital Sovereignty of the EAEU in the Context of Ensuring Economic Security]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Government*. 2022;(7):29–34. (In Russ.)
2. Dobrolyubova E.I., Yuzhakov V.N. [Monitoring and Assessment of the Effectiveness and Efficiency of Digitalization of Public Administration]. Moscow: Delo: RANEP; 2020. (In Russ.)
3. Zubarev S.M. [The System of Control in the Sphere of Public Administration]. Moscow: Norma: INFRA-M; 2019. (In Russ.)
4. Zyryanov S.M. [State Control (Supervision)]. Moscow: ILCL under the Government of the Russian Federation: Kontrakt; 2023. (In Russ.)
5. Kapustin A.Ya. [Law of the Eurasian Economic Union: an International Legal Discourse]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2015;(11):59–69. (In Russ.)

6. Кнутов А.В., Плаксин С.М., Чаплинский А.В. Государственный и муниципальный контроль (надзор) в отношении граждан. Нормативное регулирование и реализация на практике. М.: НИУ ВШЭ; 2015.
7. Ноздрачев А.Ф., Зырянов С.М., Калмыкова А.В. Регуляторная политика Российской Федерации: правовые проблемы формирования и реализации: монография. М.: Инфотропик Медиа; 2022.
8. Правовое регулирование государственного контроля: монография / отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. М.: ИЗиСП при Правительстве РФ: Анкил; 2012.
9. Талапина Э.В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект): монография. М.: Юриспруденция; 2015.
10. Южаков В.Н., Добролюбова Е.И., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Результативность и эффективность контрольно-надзорной деятельности государства: мнение бизнеса и граждан. М.: Дело: РАНХиГС; 2021.
6. Knutov A.V., Plaksin S.M., Chaplinsky A.V. [State and Municipal Control (Supervision) over Citizens]. Moscow: HSE; 2015. (In Russ.)]
7. Nozdrachev A.F., Zyryanov S.M., Kalmykova A.V. [Regulatory Policy of the Russian Federation: Legal Problems of Formation and Implementation]. Moscow: Infotropic Media; 2022. (In Russ.)]
8. [Legal Regulation of State Control] / ed. by A.F. Nozdrachev. Moscow: ILCL under the Government of the Russian Federation: Ankil; 2012. (In Russ.)]
9. Talapina E.V. [Public Administration in the Information Society (Legal Aspect)]. Moscow: Yurisprudentsiya; 2015. (In Russ.)]
10. Yuzhakov V.N., Dobrolyubova E.I., Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. [Effectiveness and Efficiency of State Control and Supervisory Activity: Opinion of Business and Citizens]. Moscow: Delo: RANEPa; 2021. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Позднышов Алексей Николаевич

доктор юридических наук, профессор, декан
Юридического факультета Ростовского
государственного экономического университета
(РИНХ)

ORCID: 0000-0002-9707-8933

Author ID: 57207890463

Назаренко Наталия Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
финансового и административного права Ростовского
государственного экономического университета
(РИНХ)

Author ID: 206844

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksey N. Pozdnyshov

Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law,
Rostov State University of Economics (RSUE)

ORCID: 0000-0002-9707-8933

Author ID: 57207890463

Natalia A. Nazarenko

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Financial and
Administrative Law, Rostov State University of
Economics (RSUE)

Author ID: 206844